

Если ад нами выдуман

Если ад нами выдуман -
Значит больше всего
боимся мы боли физической,
А не вечного взгляда во тьму,
Сродни машинисту в метро.
Посему бережешь себя истерически:
Надеваешь тапочки,
Не подходишь к окну,
Мобильному,
Не читаешь сводок, прогнозов, газет.
Но потом всё равно,
Выходя из квартиры,
Встречаешься взглядом с соседкой,
Что навстречу тебе несет
пустое,
Горчичного цвета,
ведро.

Этот день становится
безнадежно утрачен.
Ближе к ночи
падаешь в задымленном баре на мокрый холодный стульчак,
Мгновенно трезвея.

Начинаешь надеяться на удачу:
Так до дыр зачитанный стих
Вылетает из головы на сцене,
Но потом тебе кто-то из зала
Выкрикивает то,
Что там по тексту дальше.

Вся твоя жизнь оборачивается безупречной романтизацией философии
тупика:
Мог бы больше.
Но покупаешь за триста рублей кондовые туфли,
Отчаянно силясь попасть в колодку.
Если ад нами выдуман -
он не здесь.

Потому что пока
Мы ни разу не слышали,
Чтобы в аду
Сохранялся устойчивый фан
от шавермы и водки,
Тормозящий своей густотой стремительные облака.

Жизнь, конечно, не патока,
Не кондитерская мастика,
Но нам рано
Заглядывать за угол.
За углами нас ждет
абсолютно различной эстетики старость.
И пытаться что-либо переиграть -
Значит заново
Править курс так,
как правит его капитан,
Не успев разглядеть туманность.

В этом мире нет чистых аккордов - сплошные полутона.
Не косись на меня, -
У меня внутри человек заменяет Бога.
Это значит,
что вместо креста по запястьям
У нас коромысло подогнано по плечам,
И дана
Всем различной длины лебедка для ведер, цепляющаяся за треногу.

Если ад нами выдуман -
рай этому был предложением.

Личное 2

"Куда ты ведешь меня?" -
"Никуда не веду."
"Куда ты ведешь меня?" -
"Здесь вряд ли возможно прийти куда-то."
Пойдем на площадку под звезды,
общаться с Богом.

Я ведаю, что творю:

Я люблю тебя с мощью тротила, дробящего толщу базальта.

В самом сердце Москвы для тебя мое петербургское сердце.

Я везу к тебе весь невский дождь,

Но не небу отдать,

а губам:

в бесконечный циклон поцелуев.

Я люблю тебя беззаветно.

Так любят гения или младенца.

Беспричинно и безусловно.

Но вряд ли смогу передать и одну восьмую.

Что бы я ни сняла,

у меня остается тело.

Это значит,

что рядом с тобой я как никогда одета:

Мне хотелось бы,

чтобы душа, нагая,

не от стыда алела,

А на ладони твоей умещалась, сведенная к форме предмета.

Там,

откуда я уйду,

всё равно остается город.

Но города условность,

будто штамп, расплывающийся от воды.

"Куда ты ведешь меня?" -

"Никуда, по сути. Движение не ищет повод."

- "Верно. Там, куда мы идем, у меня остаешься ты."

Галатей

Если всё по уму - сотвори для себя Галатею

И лобзай её мраморную стопу.

Оттого, что мрамор не постареет.

Но состарюсь я.

В ледяную крупу

Рассыпается камень, не становясь новее.

Но, бесспорно,
Длиннее у монумента век.
Дело в том,
Что холодному слепку не стать слепее,
Чем любому, кто прячет бельма под тяжестью век.
Дело в том,
Что и мрамор способен любить острее,
Обезболив искусанную губу.
Отвечая своим постоянством тому,
Кто тлея,
Не колеблясь,
Желает верность хранить ему.

Если все по рассудку - создай для себя Афродиту.
Чтоб кипящей пеной ласкать лёд любимых ног.
Оттого, что пена морская
Обычно свита
В неспособный ранить бараний рог.
Я способна ранить.
Но остриё забито
Мной самой
В не приметный сосуд из костей и мышц.
Я и есть остриё.
Я в каркасе слитом
Из скрещения игл, рапир и спиц.
Дело в том, что пена
Хранит, будто царская свита,
Что взбивает перины из пуха лебяжьих крыл,
Одинокий панцирь древнейшего аммонита,
Раз когда-то её приглушённый плеск любил.

Если всё по расчёту - то в клетку сажай Сирену,
Чтобы бились о скалы купеческие суда.
Потому что на шею её самоцвет чужеземный
Надевать не составит тебе труда.
Я не верю деньгам.
Всё, что более драгоценно -
Не сосчитано биржей,
Не вписано в оборот.

Но оно, зарождаюсь внутри неизменно,
Из моих излучин изливается и живет.
Дело в том,
Что назначив любую цену,
Чтоб смотреть,
Как оно мой волнует пульс, -
Если спросишь, отвечу:
"Сегодня проснулась бесценной.
Я не знаю себе цены,
Потому что не продаюсь".

Реквием

Чайки кричат над Баренцевым женским голосом:
«Ты меня бросил! Бросил!»
А потом браконьеры от скуки глушат их взмахами весел.
Чайки падают.
Грузно, балластом.
Вода наполняет клюв.
А на дне чудовище трескает панцирь,
И обнаженный моллюск
Пропадает в черном остроугольном рту,
За планктоном в него проскользнув.
Так, в глухой и бесчувственной глубине,
Сдается неведомым левиафанам
Подлодка «Курск».

Слышишь, как протекает кран?
Разгорается газ?
Гулким стенаньям не место в твоей квартире.
Вот и сиди теперь
В кресле –
Оцепенев,
Как деталь, угодившая в тесный паз.
Здесь не теснее, милая,
Чем под водой в мундире.
Теперь только память твоя тебя не предаст.

Взвали на себя свой крест
Весом в десятки тонн.
С каютами и отсеками,
Где всех тяжелей – девятый.
Сто восемнадцать тел вмести на свою ладонь
И зажимай ей рот,
Чтоб голосу уткнулся в вату
Ладони.
Не прозвучавший и смятый.

Чайки навзрыд над Баренцевым детским плачем:
Бессловным и безутешным.
Море с жестокостью крики сгребает в клешни.
Брызги касаются перьев,
В желаньи увлечь на дно.
По-над берегом
Рыбаки раскидали снасти, и рыба, блеснув пятном,
Раскрывая рот,
Садится на острый крюк.
Так от этого море зло,
Что глотает с подлодки «Курск» последний живой перестук.

Если рук не отмыть, - зароем по кисти в песке.
Зажмурясь, не знаем, как глаз раздражаем солью.
Не видя,
Что выгоревший отсек
Оплавлен огнем,
Как будто изъеден молью,
Но имена остаются назойливой ноющей болью,
Нарывом свербя на народной тугой десне.

Чайки стонут на Баренцевым матерински;
Со ступором, столбняком.
А потом кидаются вниз, протаранив воду.
После – один за другим пронесутся годы,
Где кроме сына больше не о ком,
Ни по ком.
Только вот сейчас
Твердят что-то всем про погоду.
Как будто погода
Вполне ошутима дном.

За металлом,
Что должен спасти от воды,
Но по локти в воде; -
Кубатурой растущей все выше и выше затоплен,
Кто-то прячет в нагрудный карман
Две записки последних.
Тебе.
Чтоб читались одним шевелением губ,
А не сдавленным воплем.
И под сердцем хранит до последних ударов.
Промокли
Все листы,
Кроме слов на родном языке.

Чайки звенят в ушах,
Отзываясь несметным хоралом вдов.
Рыбаки собирают улов,
Дальше сетей не глядя.
Море впитает соли с ресниц молчаливых отцов.
Почернеет вода как мазут.
Стройный ряд венков,
Непокорен теченью, скользнет по незыблемой глади.
Чайки смолчат. Будто гости не грянувших свадеб.
Чайки смолчат. За покинутых юных невест.
А не знак ли,
Что собираясь под воду,
За' день,
Капитан Колесников
Оставляет дома нательный крест.